

Каждая декада национального искусства в Москве — праздник. Праздник не

только потому, что в те десять дней, которые наши друзья и коллеги из братской республики проводят в столице, мы узнаем о лучших достижениях их искусства, литературы, но и потому, что мы, их товарищи по творческой работе, по-настоящему радуемся росту их профессионализма, художественного мастерства, их исканиям и удачам в новых, еще не известных или во всяком случае «не обжитых» областях искусства.

Так было и на представлении балета Г. Елизаряна «Севан», который мы увидели на второй день декады армянского искусства и литературы в Москве. Мы радовались тому, что этот спектакль — свидетельство неустанных поисков решения новой темы в балетном жанре, что перед нами — один из этапов интереснейшей работы по созданию хореографического спектакля, герои которого — наши современники с их чувствами, переживаниями, стремлениями, с их радостями и печалью «сегодняшнего дня», с порывом в то завтра, где не будет места эгоизму, зависти, себялюбию...

Несомненно, что и драматургия либретто «Севана», оставляет желать многого, и характеристики героев выписаны не так уж рельефно и не столь уж полно выражены в танце... В данном случае, мне кажется, куда важнее самая попытка (для нашего «консервативного» балетного искусства особенно важная и симптоматичная) принести на сцену дыхание жизни, постараться раскрыть наше сегодня специфическими выразительными средствами хореографии.

Вероятно, впоследствии постановщики и исполнители от чего-то откажутся, найдут новые, более сильные и убедительные средства выражения, но уже сейчас их творческие поиски в чем-то (пусть хоть в чем-то!) оказываются вполне плодотворными.

Вопреки традиции, начнем с конца. Вспомнив массовые мужские танцы четвертого акта — их темперамент, сложность, их заразительную энергию и веселость; вспомнив интересно и поэтично решенный обряд обручения юных героев — Рузан и Рубена, великолепно сделанный характерный дуэт Е. Арапатовой и И. Арбатова, стремительный и мужественный парный танец В. Борисова и Х. Маркаряна во втором действии, я думаю, что многие видевшие спектакль, скажут: именно здесь сила балета «Севан». Во всем том, что напоено живительной влагой неиссякаемого источника народного танца, там, где фольклор служит «питательной средой» балетмейстеру-постановщику, рождается танец, полный поэзии и правды, появляется та особенная, «чисто хореографическая» достоверность, которая убедительна тем более, чем больше на сцене танцуют.

Быть может, сила балетмейстера И. Арбатова, поставившего «Севан», заключена в некоем «чувстве танцевального фольклора», в его умении сделать народный танец специфическим — ярким, красочным, увлекательным. Что же касается его трактовки «чистой классики», то, по моим представлениям, она требует более бережного к себе отношения. Мне понятно естественное в данных условиях желание балетмейстера обогатить хореографическую классику элементами национального танца, «гибридизировать» классический и

фольклорный танец и придать первому особую, только данному театру в данной республике свой-

ственную окраску. Вряд ли такое желание может вызвать возражения. Все дело в том, как оно осуществляется, насколько такое соединение обогащает хореографию.

Красота, пленительная прелесть классического танца — в чистоте, строгости, пластичности его линий. Если обогащение классических движений нарушает этот (с моей точки зрения, один из главнейших) закон балета, то надо задуматься, очевидно, над тем, чтобы это обогащение происходило не столь активно, чтобы оно осуществлялось тоньше, осторожнее, продуманнее. Я не хочу сказать, что все сделанное в этом направлении в ереванском балете мешает классике. Напротив, поиски балетмейстера, безусловно, заслуживают одобрения. Я хочу лишь воспользоваться в этой статье, чтобы еще раз подчеркнуть значение художественных традиций хореографической классики и необходимость строгого и очень осторожного обращения с ними.

Мне хотелось бы более подробно и на профессиональном языке поговорить с исполнителями «Севана», но, понимая, что в рамках газетной статьи этого сделать нельзя, а журнала «Балет» у нас все еще не существует, попробую ограничиться изложением своих первых, быть может, в чем-то и не проверенных (к сожалению, я видела лишь один состав исполнителей) впечатлений.

Азат — отрицательный герой произведения. В нем, как во всяком живом человеке, есть и много хорошего: он смел и порывист, отлично работает, возглавляя бригаду рыбаков, но вместе с тем он эгоистичен, не прочь похвастаться и приписать себе победы целого коллектива.

В сущности, этого героя мы уже видели бесчисленное количество раз на драматической сцене, но ведь и там проблема современной темы, если говорить начистоту, далеко не решена, а уж в балете ей и вовсе не везет. Так или иначе, но Азат — роль острая, мировая. В. Ханамirian решает этот образ сценично и темпераментно. Его вариацию в первом акте я бы назвала танцевально-игровой вариацией: на танце строит он и свой «диалог» с Рузан, которую он, несомненно, горячо любит, но любит по-своему. Партию Рузан, чистой, серьезной и возвышенной девушки, исполняет Л. Семанова-Елания. Танцовщица с хорошими профессиональными данными, она обладает легким прыжком и рядом других свойств, позволяющих многого ждать от нее, как от балерины. И именно потому, что мы уверены в ее сценическом будущем, хочется пожелать, чтобы она поработала и над своей игрой. Надо стремиться к слиянию танца с игрой, к включению танца в драматический рисунок роли. Необходимо добиваться большей

Галина УЛАНОВА,
народная артистка СССР

выразительности в движении рук. Мягкая пластика рук — национальная черта армянских танцев. Армяне и в быту, в повседневной жизни отличаются умением необыкновенно красиво двигаться, в их жесты много непосредственной, врожденной правды. Тем больше хочется видеть это изящество движений на сцене и особенно у балерины с такими исполнительскими данными, как у Л. Семановой-Елания.

Избранник сердца героини балета — молодой инженер Рубен, партию которого исполняет М. Мартirosian, в прошлом году окончивший Хореографическое училище Большого театра. Он танцует без какого бы то ни было дилетантизма и, несомненно, мог бы сделать куда больше, если бы роль его была не столь «голубой», если бы приевшиеся и примелькавшиеся качества «современного положительного героя», которого в балете показать во сто раз труднее, чем в драме, были обогащены некоторыми штрихами, свойственными живым людям, штрихами, которые могли бы быть выражены танцем.

Согласно либретто, драматическая кульминация балета — во второй картине третьего акта. Действие ее происходит у плюзы. Надвигается буря. Рубен один. Он направляется к плюзе, чтобы

предотвратить бедствие, но появившийся Азат мешает ему. Их объяснение заканчивается дракой. Вода хлынула — началось наводнение. Итак, положительный герой идет на подвиг. Что может быть возвышенней и прекрасней? И подвиг можно передать танцем. Но вследствие примитивности драматургии примитивным и просто даже мало заметным (так как на сцене почти темно) оказывается танец. Язык, на котором «говорят» исполнители балета, здесь плохо «слышен». Он не доходит

Сцена из первого акта балета «Севан» в постановке Государственного театра оперы и балета им. А. Спендиарова. На снимке: Рузан — С. Минасян, Рубен — Ф. Елания. Фото В. БОРИСОВА

до зрителя. Не случайно это сочетается и с упрощенными средствами сценических «эффектов»: мелькает красная лампочка на плюзе, белит «вода», по черному небу проносятся почти черные «облака». Ни ощущения подлинной опасности, ни веры в подвиг не появляется. А жалко...

Но вернемся снова к четвертому, лучшему действию балета — к его яркой красочности, его стихии национального танца, к исполнителям, которые привлекли наше внимание еще в начале спектакля. Я говорю об артистах, исполнявших роли друзей Рузан — Гоар, Ашота и Цовик.

Т. Григорян, танцующая Гоар, отличается большой артистичностью — качеством, не столь часто встречающимся на балетной сцене и потому особенно ценным. Будучи в Ереване, мне довелось видеть фрагменты балетных кинокадров. Я обратила внимание на то, как выразительна эта актриса даже на экране, а увидев ее на сцене, поняла, что это свойство присуще Григорян органично, и искренне за нее порадовалась. Роль Ашота в исполнении А. Га-

рибьяна благодарней и ярче партии Рубена. В Ашоте есть характерность, есть

комические черточки симпатичного паренька, простодушного и веселого. Гарибьян танцует профессионально, легко и свободно выполняет довольно сложные па, но, мне кажется, он слишком увлекается возможностью «покомиковать», посмеяться публике. В балете, как нигде, все должно быть в меру, и ничто и никогда не должно переходить за грань жанра, требующего лаконизма, сдержанности и тем большей танцевальной выразительности...

И. Ушакова — Цовик владеет виртуозной техникой. У нее крепкие, как говорят у нас, железные пальцы, и она хорошо справляется со своими трудными вариациями, включающими самые сложные движения во втором и в четвертом актах. Именно танец помогает ей создать образ юной, энергичной и кокетливой девушки, для которой жизнь полна радости и ничем не омраченного, еще бездумного счастья...

К сожалению, костюмы балерин, исполняющих классические партии, не помогают их танцу, не «работают» на него. А ведь костюм в балете очень важен. Он должен выявлять рисунок каждого движения, подчеркивать изящество, женственность, грацию каждой балерины. Я понимаю: создать костюм для современного балета очень трудно. Но ведь в нашем деле нет ничего легкого, дающего само собой — все надо брать опомным трудом, фантазией, художественным вкусом и тем «чувством танца», которое никогда и ни в чем не должно изменять художнику балета. Конечно, речь идет об идеале, но не в том ли и состоит радость нашей работы, чтобы постоянно стремиться к идеалу?..

Как и в танцах «Севана», так и в его музыке, прекрасен исполненный талантливым коллективом оркестра и его дирижером Р. Степаняном, мне более всего понравившись то, что непосредственно связано с народным творчеством. Фольклор, опосредствованный композитором и балетмейстером, народные мелодии и народные танцевальные мотивы, обогатившие творческую фантазию авторов музыки и хореографии, сохранили в произведении душу и характер народа и обрели ту завершенность художественной формы, которая отличает настоящее искусство.

Еще и еще раз мы убедились, как талантлив армянский народ, давший и в наше время так много прекрасных музыкантов, художников, певцов, драматических артистов. Мы убедились и в том, что балет Театра имени Спендиарова, которому перед декадой во многом помог проф. Л. Лавровский, этот балет, несмотря на свою молодость и неопытность, несмотря на частую смену творческого руководства и множество иных помех, полон творческих исканий, которые никогда не остаются втуне.

И было бы, на мой взгляд, очень хорошо, если бы театр нашел возможность послать в Московское или Ленинградское хореографическое училище свою молодежь для совершенствования ее мастерства и обретения единой школы.

То, что нам показано сейчас, — результат большой работы. Пусть она еще в чем-то несовершенна, но она свидетельствует о большой творческой жизни коллектива и о том, что у него есть хорошее будущее. Так пожелаем же ему в этом будущем больших успехов.